

**ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

на правах рукописи

Костин Александр Алексеевич

**«ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Специальность: 12.00.03 гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное
право.**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Научный руководитель:

**доктор юридических наук,
Заслуженный деятель науки РФ
Наталья Ивановна
Марышева**

Москва – 2018 г.

Диссертация выполнена в отделе международного частного права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Научный руководитель:

Наталья Ивановна Марышева

главный научный сотрудник, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Официальные оппоненты:

Ерпылева Наталья Юрьевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Терентьева Людмила Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»

Защита состоится «15» октября 2018 г. в «14» часов «00» минут на заседании диссертационного совета Д503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по адресу: 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации <http://izak.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.И. Щукин

ВВЕДЕНИЕ

I. Актуальность избранной темы.

Развитие внешнеэкономических связей, а также активное перемещение граждан между государствами служат причиной возникновения судебных разбирательств, в которых сталкиваются интересы российских и иностранных лиц. Споры, вытекающие из договоров (сделок); расторжение брака; усыновление; установление отцовства – вот далеко не полный перечень дел, которые ежегодно рассматриваются иностранными судами. Данное обстоятельство ставит на повестку дня вопрос о том, какие правовые последствия иностранное судебное решение способно породить в правовой системе РФ.

Значение рассматриваемого вопроса сложно переоценить, поскольку от того или иного подхода законодателя зависит осуществление ряда субъективных прав, подтвержденных иностранным судебным решением или вытекающих из него. В частности, сможет ли иностранный или российский взыскатель обратиться на его основании взыскание на имущество должника, находящееся в РФ?

Особенное значение данная проблема приобретает в тех случаях, когда иностранным судебным решением затрагивается *правовое состояние (статус)* физического или юридического лица. Например, вправе ли лицо, усыновленное на основании иностранного судебного решения, наследовать после приемного родителя? Или вправе иностранный арбитражный управляющий (ликвидатор) выдать доверенность на представление интересов несостоятельного должника в российском суде?

Проблема *действия* иностранного судебного решения в правовой системе РФ неразрывно связана с принципом территориального верховенства (суверенитета). В силу того, что осуществление правосудия представляет собой форму реализации государственной власти, судебное решение само по

себе не обладает действием за пределами государства вынесения. Поэтому государство местонахождения должника вправе исключить действие иностранных судебных решений в пределах собственной территории или обусловить их *признание* (т.е. наделение качествами акта осуществления правосудия) соблюдением ряда условий, установленных национальным законодательством.

В отечественной правовой системе *признание и исполнение* иностранного судебного решения традиционно связывалось с наличием *международного договора*. Подобное правило последовательно закреплялось в положениях советского процессуального законодательства (примечание к ст. 255 ГПК РСФСР 1923 г.; ст. 437 ГПК РСФСР 1964 г.), согласно которым *порядок исполнения в РСФСР решений иностранных судов и арбитражей определяется соответствующими международными договорами СССР*.

В современном российском законодательстве *признание и исполнение* иностранных судебных решений допускается как на основании международного договора (ст. 409 ГПК РФ), так и в отдельных случаях в силу федерального закона (абз. 4 ст. 415 ГПК РФ; ст. 241 и ст. 245¹ АПК РФ). Данные предписания законодательства в доктрине характеризуются как *«правовые основания» («предпосылки») признания и исполнения* иностранных судебных решений в РФ.

В настоящее время тезис о допустимости *признания и исполнения* иностранных судебных решений исключительно при наличии международного договора/федерального закона все чаще ставится под сомнение в российской науке и правоприменительной практике. Своеобразным толчком к дискуссии послужило Определение Верховного суда РФ от 05 апреля 2002 г N 5-Г02-64, в котором суд постановил, что *признание и исполнение* иностранных судебных решений в РФ может иметь место на основании *взаимности* (т.е. при условии, если иностранным государством признаются и исполняются российские судебные решения). Также отдельными авторами утверждается, что *признание и исполнение*

иностранных судебных решений может осуществляться в силу так называемой *международной вежливости*. В этой связи неизбежно возникает вопрос о содержании данных понятий и их соотношении с предписаниями российского процессуального законодательства.

Проблема определения правовых оснований признания и исполнения иностранных судебных решений также связана с участием РФ в Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. (далее – «Конвенция»). Так, согласно ст. 6 Конвенции каждому гарантируется *право на справедливое и публичное разбирательство его гражданского дела*. При этом в соответствии со ст. 8 Конвенции договаривающиеся государства приняли на себя обязательство обеспечить *право каждого на уважение личной и семейной жизни*. В этой связи неизбежно возникает вопрос о допустимости признания и исполнения иностранных судебных решений в силу обязательств, принятых на себя Российской Федерацией на основании ст. 6 и/или ст. 8 Конвенции. Ответ на данный вопрос подразумевает исследование статуса Постановлений ЕСПЧ в правовой системе РФ (в т.ч. вынесенных против иных государств).

Принимая во внимание теоретическое и прикладное значение проблем, обозначенных выше, автор в рамках данного исследования ставит перед собой следующие цели.

II. Цели и задачи диссертационного исследования.

Цель исследования состоит в формировании научного подхода к взаимодействию государств в сфере взаимного признания и исполнения иностранных судебных решений, а также выявлении правовых последствий, которые иностранное судебное решение порождает в правовой системе РФ.

Для достижения данной цели автором ставятся следующие задачи.

1. Рассмотреть теории, лежащие в основе действия иностранных судебных решений за пределами государства вынесения (*иностранное судебное решение как подтверждение приобретенных прав и иностранное судебное решение как акт территориального верховенства [суверенитета] иностранного государства*). Провести критический анализ данных теорий;
2. Рассмотреть особенности действия иностранных судебных решений, определяющих *статус физических и юридических лиц*. Исследовать содержание понятия «*статус*» для целей применения ст. 415 ГПК РФ. Определить, в каких случаях *признание* данной категории иностранных судебных решений может осуществляться в силу предписания *национальной коллизионной нормы, определяющей право, подлежащее применению к статусу лица*;
3. Изучить действие иностранного судебного решения в качестве *юридического факта материального права* (т.е. определить, в каких случаях вынесение иностранного судебного решения приводит к изменению материально-правового отношения);
4. Рассмотреть содержание понятия «*признание*» иностранного судебного решения и его соотношение с понятием «*исполнение*». Выявить противоречия, существующие в доктрине и правоприменительной практике относительно соотношения рассматриваемых понятий. Сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства;
5. Исследовать положение законодательства, согласно которому признание и исполнение иностранного судебного решения допускается исключительно в силу международного договора (ст. 409 ГПК РФ)

и/или федерального закона (ст. 415 ГПК РФ; ст. 241-245¹ АПК РФ). Определить содержание понятия «*международный договор*» для целей применения данных процессуальных норм. Рассмотреть вопрос об их соответствии правам и свободам, гарантированным Конституцией РФ. Сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства;

6. Изучить вопрос о природе понятия «*международная вежливость*» и его содержании (с учетом иностранного опыта). Рассмотреть вопрос о том, отменяют ли правила *международной вежливости* императивные предписания ст. 409-415 ГПК РФ и ст. 241-245¹ АПК РФ;
7. Изучить вопрос о содержании понятия «*взаимность*» в российской правовой системе (с учетом иностранного опыта). Рассмотреть вопрос о том, отменяет ли правило об обеспечении *взаимности* императивные предписания ст. 409-415 ГПК РФ и ст. 241-245¹ АПК РФ. Исследовать вопрос о целесообразности дополнения законодательства правилом о признании и исполнении иностранных судебных решений на основании *взаимности*, как это предусматривается Концепцией единого Гражданского процессуального кодекса РФ 2014;
8. Рассмотреть вопрос о влиянии обязательств государства согласно ст. 6 и ст. 8 Европейской конвенции 1950 г. на *признание и исполнение* иностранных судебных решений в Российской Федерации. Проанализировать практику Европейского суда по правам человека («ЕСПЧ») по рассматриваемому вопросу. Исследовать в этом аспекте вопрос о статусе Постановлений ЕСПЧ в правовой системе РФ и их соотношении с предписаниями российского законодательства, регулирующими *признание или исполнение* иностранных судебных решений.

9. Выявить основные тенденции, определяющие взаимодействие государств в сфере признания и исполнения иностранных судебных решений, а также сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства.

III. Объект и предмет диссертационного исследования.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, возникающие в национальной правовой системе в связи с вынесением иностранным судом *решения* (т.е. конечного акта осуществления правосудия, которым заканчивается рассмотрение дела по существу).

В качестве предмета исследования выступают нормы международного и национального права, которые определяют взаимодействие государств в сфере взаимного признания и исполнения судебных решений.

IV. Степень научной разработанности темы.

В отечественной науке вопрос о *правовых основаниях* признания и исполнения иностранных судебных решений рассматривался Т.М. Яблочковым, И.С. Перетерским, А.Г. Гойхбаргом, Л.А. Лунцем, П.Н. Евсеевым.

В современной литературе данная тема освещается в монографии А.И. Муранова (А.И. Муранов «Международный договор и взаимность как основания приведения в исполнение в России иностранных судебных решений». М.: Статут, 2003). Существенный вклад в развитие данной темы также привнесён работой Д.В. Литвинского (Д.В. Литвинский «Признание иностранных судебных решений по гражданским делам». Изд-во СПбГУ 2005), в которой рассматривается проблема обеспечения взаимности, а также статуса Постановлений ЕСПЧ в правовой системе РФ. В монографии Н.И. Марышевой (Н.И. Марышева «Семейные отношения с участием

иностранцев: правовое регулирование в России». М.: Волтерс Клувер, 2007.) исследуется ряд фундаментальных вопросов, связанных с признанием иностранных судебных решений, определяющих статус лица. Также Н.Г. Елисеевым и Т.Н. Нешатаевой предлагается тезис о существовании международного обычая (общего принципа права, признанного всеми цивилизованными народами), в силу которого государство должно обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений, который не во всех случаях поддерживается диссертантом. В иных публикациях и научных работах по исследуемой теме¹, как правило, воспроизводятся подходы одного или нескольких авторов, перечисленных в данном абзаце.

Однако, несмотря на значительное число публикаций, связанных с исследуемой темой, ряд фундаментальных проблем остается за пределами внимания ученых:

- Ряд современных публикаций содержит ссылку на принцип *международной вежливости*. Однако с момента опубликования работы В.М. Корецкого «Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права» Ин-т права Акад. наук СССР. М.: Юрид. изд-во, 1948. данная тема в российской науке детально не разрабатывалась. Практически единственным исключением является работа Д.В. Кайсина «Доктрина международной вежливости и приведение в исполнение иностранных судебных решений в России» // Закон. 2014. N 6. С. 152-160., однако данная статья охватывает не все аспекты рассматриваемого явления;

¹ Данный тезис в полной мере справедлив по отношению к диссертациям, защищенным по предмету настоящего исследования, в т.ч.: 1) Сорокина С.С. Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов на территории Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15. - Москва, 2004. 2) Зайцев Р.В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15. - Екатеринбург, 2005.; 3) ряду иных диссертаций.

- До настоящего времени не был удовлетворительно разрешен вопрос о содержании и соотношении понятий «*международная вежливость*» и «*взаимость*». Если в одних работах данные термины рассматриваются как синонимы (Т.Н. Нешатаева «Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права» // Вестник ВАС РФ. N 3, 2004), то в других публикациях они противопоставляются (Н.Г. Елисеев «Перспективы взаимного признания и исполнения судебных решений в отношениях между Россией и Германией» // Закон. 2016. № 12.).
- В научной литературе не приводится достаточно аргументов в подтверждение того, что понятие «*взаимость*» должно отождествляться с *принципом взаимного сотрудничества государств*, закрепленным в преамбуле Устава ООН и Декларации «О принципах международного права» 1970 г. и тем самым отменять императивное положение российского законодательства, согласно которому *признание и исполнение* иностранных судебных решений допускается в силу международного договора (ст. 409 ГПК РФ) и федерального закона (ст. 241 АПК РФ, ст. 245¹ АПК РФ).
- Актуальные Постановления ЕСПЧ, затрагивающие вопросы *признания и исполнения* иностранных судебных решений, до настоящего времени в российской науке практически не исследованы. Исключение составляет лишь монография Д.В. Литвинского «Признание иностранных судебных решений по гражданским делам» Изд-во СПбГУ 2005. Однако данная работа не охватывает все изменения в правовых позициях ЕСПЧ по рассматриваемому вопросу за время, истекшее с момента ее публикации. Так, в российской науке не освещалось Постановление ЕСПЧ по делу «Макдоналд против

Франции» 2008 г.², в котором указывается, что отказ в *признании и исполнении* иностранного судебного решения представляет собой *вмешательство в право лица на справедливое судебное разбирательство* согласно ст. 6 Европейской конвенции 1950 г. В отдельных случаях правовая позиция ЕСПЧ по вопросу *признания и исполнения* иностранных судебных решений излагается в российской доктрине со значительными искажениями (Постановление по делу «Петр Королев против Российской Федерации» 2010 г.)³.

Изложенное выше подтверждает актуальность и практическую значимость избранной темы исследования.

V. Методологическая основа диссертации.

При подготовке диссертации автор руководствовался как общими, так и специальными методами научного познания.

Автором применялись: диалектический метод; метод аналогии права; анализ и синтез; индукция и дедукция; сравнительный метод; социологический метод; статистический метод; иные общенаучные методы.

В работе использовались специальные методы научного познания: сравнительно-правовой, историко-юридический, а также иные специальные методы юридической науки.

VI. Нормативная база диссертационного исследования.

Выводы диссертации основаны на положениях международных договоров с участием РФ, Конституции РФ (с учетом ее толкования в

² *Case of McDonald c. France* (Requête no 18648/04) <http://hudoc.echr.coe.int/Beng?i=001-87756>

³ *Case of Petr Korolev v. Russia* (Application no. 38112/04) <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101195>.

Постановлениях и Определениях Конституционного суда РФ), Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», Гражданского процессуального кодекса РФ; Арбитражного процессуального кодекса РФ; Гражданского кодекса РФ; Семейного кодекса РФ, а также иных кодексов, законов и нормативных актов. Анализ российского законодательства проводился с учетом судебно-арбитражной практики.

В той степени, в какой это представлялось необходимым, автором привлекалось законодательство о международном частном праве и/или международном гражданском процессе зарубежных стран (с учетом его толкования в правоприменительной практике).

Применяя исторический метод, автор исследовал законодательство РСФСР (примечание к ст. 255 ГПК РСФСР 1923 г.; ст. 437 ГПК РСФСР 1964 г.), а также законодательство Российской империи (ст. 1273 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.), сопоставляя его с действующим российским законодательством.

VII. Теоретическая основа выводов диссертационного исследования.

В ходе исследования автор руководствовался положениями, изложенными в работах следующих отечественных ученых: Д.Д. Аверина; М.И. Бруна; Д.Л. Давыденко; П.Н. Евсеева; Р.В. Зайцева; С.Б. Крылова; Д.В. Литвинского; Л.А. Лунца; Н.И. Марышевой; А.И. Муранова; Н.В. Орловой; И.С. Перетерского; А.А. Рубанова; Т.М. Яблочкова; В.В. Яркова. При этом автором проведен анализ тезисов, изложенных в работах Н.Г. Елисеева и Т.Н. Нешатаевой.

Автор обращался также к работам иностранных исследователей, опубликованных в переводе на русский язык: М. Абасси; Б. Ансея; М. Вольфа; М. Иссада; П. Каленского; К. Криеф-Семитко; П. Норта; Л. Раапе; Дж. Чешира; Х. Шака, В. Штейнера.

Кроме того, автором исследовались труды следующих иностранных авторов, которые до настоящего времени на русский язык не переводились:

Французские авторы: Э. Бартэн (E. Bartin); А. Батиффоль (H. Batiffol); Д. Бюро (D. Bureau); Э. Годэме-Таллон (H. Gaudemet-Tallon); Ж. Дроз (G. Droz); А. Лэне (A. Lainé); П. Майер (P. Mayer); Г. Мюир-Уотт (H. Muir-Watt); Ж. Нибуайе (J.-P. Niboyet), Б. Оди (B. Audit); А. Пилле (A. Pillet); Ж. де ла Прадель (J. de la Pradelle); В. Эзе (V. Heuze).

Английские авторы: А.В. Дайси (A.V. Dicey); П. Барнетт (P. Barnett); А. Бриггс (A. Briggs); Дж. Коллиер (J. Collier); Ф.Т. Пиготт (F.T. Pigott).

Американские авторы: Э. Лоренцен (E. Lorenzen); А. фон Мерен (A. von Mehren); К. Надельман (K. Nadelman); С. Симеонидес (S. Simeonides); Дж. Стори (J. Story); Ф. Юнгер (F. Juenger).

VIII. Научная новизна исследования

В работе выявлены основные закономерности взаимодействия государств в сфере признания и исполнения иностранных судебных решений. Сформирован научный подход к определению круга иностранных судебных решений, подлежащих признанию и исполнению в РФ.

Исследован ряд вопросов, которые до настоящего времени ограниченно освещались в российской юридической науке, включая установление содержания понятия *«международная вежливость»* применительно к признанию иностранных судебных решений.

Проведен детальный анализ правовых позиций ЕСПЧ по вопросам *признания и исполнения* иностранных судебных решений, которые до настоящего времени не рассматривались российскими авторами (в т.ч. Постановление по делу «Макдоналд против Франции» 2008 г.).

Подвергнуты критическому анализу отдельные положения российской доктрины, включая тезис о том, что *«признание иностранного судебного*

решения выступает предпосылкой (предварительным условием) его принудительного исполнения» (Л.А. Лунц и др).

Изучено понятие «*личный статус*» (*статус лица*) для целей применения ст. 415 ГПК РФ, а также рассматриваются особенности признания данной категории иностранных судебных решений в РФ.

IX. Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту.

На основании проведенного исследования автором сформулированы следующие основные положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что в настоящее время отсутствует международный обычай, а также общий принцип права, признанный всеми цивилизованными народами, предписывающий государству обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений. Поскольку тезис об обязанности государства обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений поддерживается только странами англо-американского права, данное правило не обладает свойством общеобязательности (т.е. не является международным обычаем - пп. "б" п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда). Равным образом, обязанность признания и исполнения иностранных судебных решений не следует из *принципа взаимного сотрудничества государств* (Преамбула Устава ООН и/или Декларация «О принципах международного права» 1970 г.), поскольку подобное толкование входит в противоречие с принципом суверенного равенства государств.
2. Обосновано, что понятие «статус» (применительно к признанию иностранных судебных решений) соотносится как с изменением правоспособности/дееспособности физического лица, так и с установлением родственных отношений. В этой связи признание

иностранных судебных решений в части установления отцовства, усыновления и иных подобных решений в РФ может иметь место в отсутствие международного договора при условии соблюдения правила о гражданстве лица (абз. 2 ст. 415 ГПК РФ). В свете усиления миграции населения предлагается дополнить абз. 2 ст. 415 ГПК РФ положением о том, что иностранное судебное решение относительно статуса лица также подлежит признанию, если оно вынесено в государстве постоянного места жительства физического лица.

3. Доказано, что в ряде случаев вынесение иностранного судебного решения приводит к возникновению последствий, которые непосредственно не связаны с предметом судебного разбирательства («производные последствия» иностранного судебного решения). Так, расторжение брака иностранным судом приводит к прекращению общей совместной собственности супругов, прекращению права пользования жилым помещением и иные подобные последствия. В данном случае иностранное судебное решение выступает в качестве юридического факта материального права. По общему правилу, возникновение производных последствий обусловлено признанием иностранного судебного решения, в то же время в отдельных случаях оно может иметь место в результате применения иностранного права на основании национальной коллизионной нормы (прекращение залога или ипотеки морского судна в результате его принудительной продажи – ст. 424, ст. 425 КТМ РФ).
4. Выявлено, что понятие «признание» иностранного судебного решения обладает следующими значениями. Во-первых, оно характеризует правомерность действия иностранного судебного решения в национальном правовом порядке («широкое» значение). Во-вторых, оно означает согласие государства с наделением иностранного судебного

решения свойством *исключительности* («узкое» значение). В силу того, что *признание* иностранного судебного решения, по общему правилу, не требует специального разрешения со стороны государства (ст. 406, ст. 413-415 ГПК РФ, ст. 150, ст. 252 АПК РФ), в данном аспекте оно противопоставляется понятию «исполнение» иностранного судебного решения.

5. Международный договор выступает в качестве правового основания признания и исполнения иностранных судебных решений лишь в том случае, если им непосредственно предусматривается обязанность государств-участников обеспечить взаимное признание и исполнение иностранных судебных решений. Международные договоры «общего характера» подобной обязанности не содержат. В частности, обязанность признания и исполнения иностранных судебных решений не проистекает из ст. 98 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и ЕС 1994 г (заключено на о. Корфу 24.06.1994)

6. На основании анализа доктрины и законодательства определено, что возникновение правила о признании и исполнении иностранных судебных решений исключительно на основании *международного договора* обусловлено политико-правовыми реалиями XIX в. В рассматриваемую эпоху международный договор обеспечивал эквивалентный характер уступок государств в сфере осуществления правосудия, а также выступал единственным средством выражения доверия иностранному правопорядку. По мнению автора, на современном этапе эквивалентность обмена уступками не является основой взаимодействия государств в сфере международного гражданского процесса. Тем самым, интересы государства и общества в достаточной степени обеспечены при условии, если иностранное

судебное решение соответствует основополагающим принципам осуществления правосудия (ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ).

7. Выявлены различные значения понятия «международная вежливость». В сфере международного публичного права данное понятие соотносится с теми обычаями, которым государства следуют во взаимоотношениях друг с другом добровольно (т.е. они не обладают нормативным характером). В сфере международного частного права «международная вежливость» ограничено применяется судами стран англо-американского права, когда определенным разбирательством затрагиваются интересы внешней политики (признание процессуальной дееспособности иностранного государства; применение иностранного законодательства об экспортном контроле и проч.). Тем самым, международная вежливость не может выступать правовым основанием признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ.

8. Обосновано, что введение правила об обеспечении *взаимности* в российское законодательство согласно Концепции Единого гражданского процессуального кодекса 2014 г. повлечет за собой не только положительные, но и ряд отрицательных последствий, к которым относятся увеличение сроков рассмотрения дела, а также рост процессуальных издержек сторон. При этом закрепление данного правила не окажет влияния на политику иностранных государств в отношении признания российских судебных решений. Наиболее целесообразным автор считает переход к «открытому режиму» признания и исполнения иностранных судебных решений (т.е. допустимости их признания и исполнения в отсутствие международного договора или взаимности, при условии соблюдения требований ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ).

9. Анализ правоприменительной практики Европейского суда по правам человека свидетельствует о том, что отказ в признании и исполнении иностранного судебного решения рассматривается как *вмешательство* в право лица на справедливое судебное разбирательство (Постановление по делу «Макдоналд против Франции» 2008 г.). Необходимость *учитывать* данную позицию ЕСПЧ (п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. № 21) приводит автора к выводу о возможности признания и исполнения в РФ иностранного судебного решения в отсутствие с государством вынесения международного договора о признании и исполнении решений при условии соблюдения требований ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ.
10. Переход к «открытому режиму» признания и исполнения иностранных судебных решений потребует внесения изменений в российское законодательство, а именно в п. 3 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; ст. 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 241 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Предлагается дополнить эти статьи положением о том, что признание и исполнение иностранных судебных решений может также иметь место в отсутствие международного договора при условии соблюдения требований ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ.
- X. Теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В работе освещается ряд вопросов, которые являются стержневыми для науки международного гражданского процесса, включая политико-правовое содержание предписания о наличии международного договора как правового

основания признания и исполнения иностранных судебных решений, а также природа предписания об обеспечении взаимности (теоретическая значимость). На основании проведенного исследования автором сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства (абз. 2 ст. 415 ГПК РФ), а также высказаны критические замечания относительно существующих законодательных проектов (п. 57.1 Концепции Единого гражданского процессуального кодекса) (практическая значимость).

Результаты исследования могут использоваться судьями всех инстанций при применении соответствующих положений российского законодательства; юристами при разработке правовых позиций по конкретным делам, а также учеными при обращении к проблеме взаимодействия государств в сфере взаимного признания и исполнения иностранных судебных решений.

XI. Апробация результатов исследования

Основные выводы диссертационного исследования изложены в научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ (с. 36 Автореферата). Обоснованность выводов также проверена путем их обсуждения на заседаниях Отдела международного частного права, а также Секции частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Отдельные материалы, подготовленные в рамках исследования, были представлены для обсуждения на конференции «Ломоносов 2014» (МГУ им. Ломоносова), секция «Юриспруденция» 7-11 апреля 2014 г., а также размещены на Информационно-правовом портале «Закон.ру».

ХII. Структура диссертации

Структура диссертации обеспечивает достижение целей и задач, перечисленных в п. «II» Введения. Диссертация состоит из двух глав «*Действие судебных решений в иностранном государстве*» и «*Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ*», которые разделены на параграфы.

Содержание работы

Глава I «*Действие судебных решений в иностранном государстве*» состоит из пяти параграфов. В ней исследуются различные подходы к пониманию природы иностранного судебного решения, определяющие наделение его тем или иным правовым последствием за пределами государства вынесения.

Параграф 1.1. «*Взаимодействие государств в области придания обязательной силы иностранным судебным решениям*» открывается анализом положений о действии иностранных судебных решений в исторической перспективе. Отмечается, что низкий уровень общественно-политического развития ряда окружающих народов (галлы, германцы) и включение более развитых народов в состав Римского государства (города-государства Греции; Карфаген) обусловили отсутствие соответствующих положений в римском праве.

Далее отмечается, что характерным признаком современного государства является *территориальное верховенство*, т.е. допустимость осуществления публичных функций лишь надлежащим образом уполномоченными государственными органами. Обращается внимание на то, что в сфере международных отношений *территориальное верховенство* исключает вмешательство во внутренние дела государства («суверенитет» государства/«принцип суверенного равенства»). В силу принципа

суверенитета не допускается осуществление публичных функций на территории иностранного государства в отсутствие его согласия, а также издание распоряжений, адресованных органу власти иностранного государства.

Автор подчеркивает, что судебное решение само по себе не обладает действием за пределами государства вынесения, поскольку осуществление правосудия представляет собой форму реализации государственной власти. По этой причине оно порождает лишь те правовые последствия, которые допускаются государством местонахождения должника или его имущества (*«признание»* иностранного судебного решения).

Далее анализируются причины, побуждающие государства взаимодействовать друг с другом в сфере признания судебных решений: достижение процессуальной экономии и устранение *«хромяющих отношений»* применительно к статусу физических лиц. К числу данных причин автор также относит обеспечение права истца на судебную защиту нарушенных прав, поскольку государство, допуская признание иностранных судебных решений, рассчитывает на аналогичные уступки со стороны иностранных государств.

В силу того, что доверие к иностранной судебной системе не может быть абсолютным, государство устанавливает различные требования, предъявляемые к иностранным судебным решениям. В отдельных государствах *предварительным условием* признания иностранного судебного решения (*«правовым основанием»* признания иностранного судебного решения) служит наличие *международного договора* или обеспечение *взаимности*. В то же время государство вправе отказаться от требования о наличии *международного договора* и/или *взаимности* и ограничиться проверкой иностранного судебного решения на предмет соблюдения процессуальных прав ответчика (включая правила о надлежащем и своевременном извещении, вступлении судебного решения в законную силу и т.п.).

В параграфе 1.2. *«Природа судебного решения и его действие в государстве вынесения»* указывается, что судебное решение, по общему правилу, представляет собой результат сопоставления доводов сторон и представленных ими доказательств относительно наличия (отсутствия) у истца спорного субъективного права (*«декларативный элемент»* судебного решения).

Однако в отдельных случаях вынесение судебного решения приводит к изменению правового состояния, существовавшего до обращения в суд. Данное свойство в наибольшей степени характерно для судебных решений, определяющих статус лица (в т.ч. усыновление; объявление лица умершим и т.п.). Из этого следует, что отдельные категории судебных решений выступают в качестве *юридических фактов материального права*.

В параграфе указывается, что одного факта подтверждения судом субъективного права лица недостаточно для устранения препятствий к его осуществлению. В этой связи отмечается, что судебное решение обращается во властное веление (*«приказ»*), адресованное сторонам, органам власти и иным судам (*императивный элемент* судебного решения). В законодательстве и доктрине для обозначения данного свойства используется термин *«законная сила»* судебного решения.

С учетом доктрины, автором исследуются следующие характеристики *законной силы* судебного решения: 1) неизменность; 2) неопровержимость; 3) преюдициальная сила; 4) исключительность; 5) исполнимость.

В параграфе 1.3. *«Действие различных категорий иностранных судебных решений за пределами государства вынесения»* указывается, что наличие у судебного решения *декларативного* и *императивного* элемента привело к возникновению различных подходов к его действию за пределами государства вынесения.

В пункте 1.3.1. *«Иностранное судебное решение как подтверждение субъективного права. Доктрина приобретенных прав»* отмечается, что в странах англо-американской правовой семьи и Франции возобладал подход,

согласно которому существование права, подтвержденного иностранным судом, не может быть поставлено под сомнение ни в одном государстве мира. В силу данного принципа иностранное судебное решение автоматически приобретает свойства неопровержимости и исключительности. Наделение иностранного судебного решения свойством *исполнимости* связывается с получением «*экзекватуры*» - специального разрешения со стороны национального суда (Франция) или с вынесением национальным судом решения в рамках процесса, в котором иностранное судебное решение выступает в качестве одного из доказательств (*англ. "foreign judgment as cause of action"*) (Англия, США и др.).

В пункте 1.3.2. «*Иностранное судебное решение как акт территориального верховенства государства вынесения*» указывается, что в противовес *доктрине приобретенных прав* в странах континентальной Европы сформировался подход, согласно которому иностранное судебное решение рассматривается в качестве акта территориального верховенства государства вынесения.

Данный подход возник одновременно с формированием абсолютных монархий (XVIII-XIX вв.). В рассматриваемый исторический период *исполнение* иностранного судебного решения рассматривалось как вмешательство в суверенное полномочие монарха по назначению судей и контролю за осуществлением правосудия. По этой причине оно могло иметь место лишь на основании специального разрешения монарха.

В связи изменениями в общественно-политическом устройстве стран Европы в XIX-XX вв. тезис об исключительности верховной власти был перенесен с личности монарха на все государство в целом. Одновременно с этим в доктрине того времени указывалось, что любые уступки государств в сфере осуществления правосудия должны быть *встречными*. Подобный характер уступок в сфере признания и исполнения иностранных судебных решений мог быть обеспечен лишь наличием международного договора («*конвенционная взаимность*»).

Вместе с тем опубликование работ в сфере сравнительного правоведения в середине XIX вв. позволило установить, что в странах англо-американского права *признание и исполнение* иностранных судебных решений осуществляется в отсутствие международного договора, при условии соблюдения требований, установленных национальным законодательством. По этой причине правило об обеспечении *взаимности*, включенное в процессуальные кодексы XIX вв., было истолковано таким образом, что признание иностранных судебных решений также могло иметь место в тех случаях, когда законодательством и/или правоприменительной практикой государства вынесения допускается признание решений судов первого государства.

Автор обращает внимание на критику правила об обеспечении *взаимности* в доктрине зарубежных государств. В этой связи подчеркивается, что ряд государств (Македония, Испания) исключили правило об обеспечении *взаимности* в отношении признания иностранных судебных решений несмотря на то, что оно ранее содержалось в национальном законодательстве.

Пункт 1.3.3. «*Сопоставление доктрин, лежащих в основе действия иностранных судебных решений. Критика доктрины приобретенных прав*» содержит анализ подходов к природе иностранного судебного решения. Автор отмечает, что *доктрина приобретенных прав* основана на некорректном тезисе, поскольку обязанность сторон и государственных органов подчиниться предписаниям суда обусловлена наличием у судебного решения законной силы. В свою очередь судебное решение обладает *законной силой*, поскольку оно представляет собой результат осуществления суверенной функции государства - правосудия. На основании изложенного выше автор приходит к выводу о том, что иностранное судебное решение представляет собой *акт территориального верховенства* (суверенитета) иностранного государства.

На основании вывода, сформулированного выше, автор исследует вопрос о существовании *международного обычая* или *общего принципа права, признанного всеми цивилизованными народами* (ст. 38 Статута Международного суда), предписывающего государству обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений.

В этой связи отмечается, что характерными признаками *международного обычая* являются: 1) обязательность (т.е. императивный характер) определенного правила; и 2) его всеобщий характер (т.е. применение подавляющим большинством государств). Автор утверждает, что если бы обязанность признания иностранных судебных решений предписывалась международным правом, то государство не могло бы определять требования, предъявляемые к иностранному судебному решению. Отдельно подчеркивается, что тезис об обязанности государства обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений поддерживается лишь странами англо-американского права. На основании изложенного выше автор приходит к выводу о том, что в международном праве отсутствует обычай, предписывающий государству обеспечить признание иностранных судебных решений.

Автор отмечает, что *принцип взаимного сотрудничества государств*, закрепленный в Декларации о принципах международного права 1970 г., не порождает обязанность государства обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений. Со ссылками на доктрину обосновывается, что роль принципов международного публичного права в сфере международного гражданского процесса крайне мала в силу их абстрактного характера. Отдельно подчеркивается, что подобный подход к толкованию принципа *взаимного сотрудничества* вошел бы в противоречие с принципом *суверенного равенства государств*.

В пункте 1.3.4. «*Иностранное судебное решение как подтверждение статуса лица*» рассматривается вопрос о правовой природе иностранных судебных решений, определяющих статус физических и юридических лиц.

На основании исследования доктрины и судебной практики автор указывает, что понятие «статус» включает в себя аспекты дееспособности и наличия родственных отношений (в т.ч. отцовство, усыновление) применительно к физическим лицам, а также аспекты дееспособности [правоспособности] юридических лиц (включая ограничение дееспособности в рамках процедуры банкротства). Отмечается, что в отсутствие международного договора или нормы процессуального права признание иностранных судебных решений может иметь место на основании национальных коллизионных норм, определяющих право, применимое к соответствующему статусу. С учетом вышеизложенного, автор приходит к выводу о том, что признание иностранных судебных решений, затрагивающих дееспособность иностранных юридических лиц, может осуществляться на основании пп. 4-6 п. 2 ст. 1202 ГК РФ.

В пункте 1.3.5. *«Иностранное судебное решение как юридический факт (производные последствия иностранного судебного решения).»* отмечается, что подтверждение судом субъективного права или изменение статуса лица (*«основные последствия»* судебного решения) в отдельных случаях приводит к изменению правового состояния, существовавшего до момента обращения в суд. Так, вынесение судебного решения о расторжении брака приводит к прекращению: 1) общей совместной собственности супругов; 2) права пользования жилым помещением, принадлежащим бывшему супругу; 3) иным подобным последствиям. Автор подчеркивает, что данные последствия возникают непосредственно в силу предписания материального права. По этой причине они характеризуются в качестве *«производных последствий»* судебного решения, а само судебное решение рассматривается в качестве юридического факта материального права.

Возникновение производных последствий иностранного судебного решения, по общему правилу, обусловлено его *признанием*. Однако в отдельных случаях признание производных последствий иностранного судебного решения может иметь место на основании национальной

коллизии нормы. Так, принудительная продажа морского судна на основании иностранного судебного решения служит основанием прекращения морского залога (ст. 424 КТМ РФ) или ипотеки в отношении него (ст. 425 КТМ РФ).

Параграф 1.4. «*Признание и исполнение иностранных судебных решений*» состоит из двух пунктов.

В пункте 1.4.1. «*Правовая природа признания иностранного судебного решения. Содержание данного понятия*» указывается, что признание иностранного судебного решения обусловлено ограничением верховенства государства в сфере осуществления правосудия. Далее анализируются три подхода к правовым последствиям признания иностранного судебного решения: 1) распространение законной силы иностранного судебного решения; 2) «приравнение» его к решению национального суда; 3) наделение его отдельными свойствами законной силы национального судебного решения. В работе обращается внимание на то, что иностранное государство не может выступать источником законной силы судебного решения за пределами собственной территории. По этой причине «*признание*» иностранного судебного решения состоит в приравнении его к решению национального суда или наделении его отдельными свойствами законной силы решения национального суда (в зависимости от подхода законодателя соответствующего государства).

В разделе 1.4.2. «*Соотношение понятий «признание» и «исполнение» иностранного судебного решения*» рассматривается вопрос о содержании понятий «*признание*» и «*исполнение*» иностранного судебного решения и их взаимном соотношении. Отмечается, что в отечественной доктрине понятие «*признание*» иностранного судебного решения было введено в научный оборот Л.А. Лунцем (до опубликования учебника «Международное частное право» 1949 г. в советском законодательстве и доктрине использовался исключительно термин «*исполнение*», который обозначал все правовые последствия, которые иностранное решение могло породить в государстве

местонахождения должника). Отмечается, что понятие «*признание*» использовалось Л.А. Лунцем в двух различных аспектах: 1) в качестве общего согласия государства с действием иностранного судебного решения (в издании указанного учебника МЧП 1949 г.); 2) в качестве согласия с наделением иностранного судебного решения свойством исключительности, а также действием иностранных судебных решений, определяющих статус лица (в издании третьего тома курса Международного частного права «Международный гражданский процесс» 1976 г. – совместно с Н.И. Марышевой).

Далее в параграфе сопоставляются нормы ГПК РФ (2002 г.) и АПК РФ (2002 г.), регулирующие *признание* и *исполнение* иностранных судебных решений. Обращается внимание на то, что для *признания* иностранного судебного решения, в т.ч. требующего принудительного исполнения (ст. 406 ГПК РФ), не требуется обращение в российский суд с ходатайством в порядке ст. 411-412 ГПК РФ. Применительно к АПК РФ указывается, что признание иностранных судебных решений по экономическим делам (т.е. наделение их свойством исключительности) (ст. 150 АПК РФ; ст. 252 АПК РФ) также осуществляется без обращения с заявлением в российский арбитражный суд. На данном основании предлагается исключить указание на «*признание*» иностранных судебных решений из ст. 242-245 АПК РФ, подобно тому как данный вопрос урегулирован ст. 411-412 ГПК РФ.

Глава II «Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ» состоит из четырех параграфов.

В параграфе 2.1. «*Международный договор и/или федеральный закон как правовое основание признания иностранных судебных решений в РФ*» исследуется природа требования о наличии международного договора (федерального закона) в качестве *правового основания* признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ. Указывается, что в XIX-XX вв. данное предписание обеспечивало верховенство государства (встречный характер уступок государств) в сфере осуществления правосудия.

В рассматриваемую историческую эпоху международный договор также выступал в качестве единственного средства выражения доверия иностранному государству.

Далее в параграфе излагается доктринальная критика ст. 409 ГПК РФ, а также ст. 241 и 245¹ АПК РФ, обусловленная их предполагаемым несоответствием правам и свободам, гарантированным Конституцией РФ, а также формулируется позиция автора по рассматриваемому вопросу. В этой связи исследуются правовые позиции Конституционного суда РФ, изложенные в Определении КС РФ от 17.07.2007 г. № 575-О-О и Определении КС РФ от 17.06.2013 N 890-О.

В заключение параграфа автор указывает, что эквивалентность обмена уступками не является основой взаимодействия государств в сфере признания и исполнения иностранных судебных решений на современном этапе. По этой причине отказ от международного договора в качестве правового основания признания и исполнения иностранных судебных решений не должен нанести ущерб суверенитету РФ в сфере осуществления правосудия. Также отмечается, что в большинстве современных государств обеспечиваются минимальные стандарты отправления правосудия, а также гарантии фундаментальных процессуальных прав сторон. В этой связи права и законные интересы российских ответчиков будут в достаточной степени обеспечены предписаниями ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ (при условии дополнения ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ положением о контроле компетенции иностранного суда).

Параграф 2.2. *«Принцип международной вежливости и/или взаимности как правовое основание признания иностранных судебных решений»* состоит из введения и двух пунктов.

Во введении к параграфу анализируется содержание и соотношение понятий *«международная вежливость»* и *«взаимность»* в современной российской доктрине и правоприменительной практике. Подчеркивается, что тезис об идентичности понятий *«взаимность»* и *«принцип взаимного*

сотрудничества государств» основан исключительно на наличии в них общего грамматического корня «*взаим*».

В пункте 2.2.1 «*Содержание понятия «международная вежливость» в доктрине и правоприменительной практике»* исследуется история возникновения и содержание понятия «*международная вежливость*». Обращается внимание на то, что данный термин был впервые сформулирован голландским ученым У. Губером, который охарактеризовал его как «*молчаливое соглашение народов (“tacito populorum consensu”)*, в силу которого государства взаимно допускают применение национального права и признание судебных решений». Существование тесных политических и экономических связей между Великобританией и Нидерландами обусловило заимствование концепции международной вежливости английской доктриной и правоприменительной практикой. Так, в XVIII в. английскими судами указывалось, что в силу предписаний международного права суды одного государства должны проявлять доверие по отношению к иностранным судебным актам (*Geyer v. Aguilar*, 7 T. H. 681). Однако уже в XIX в. был высказан ряд возражений против доктрины международной вежливости. Отсутствие обязанности обеспечить признание иностранных судебных решений обосновывалось тем, что если бы подобное предписание существовало, государство было бы лишено возможности определять действие иностранных судебных решений в пределах собственной территории (*Schibsby v Westenholz* (1870) LR 6 QB 155). В настоящее время признание и исполнение иностранных судебных решений в Англии и Уэльсе осуществляется на основании «*теории обязательства*», согласно которой иностранное судебное решение подлежит признанию и исполнению при условии соблюдения требований, установленных прецедентным правом (если иное не установлено международным договором или английским законодательством).

Автор отмечает, что понятие «*международная вежливость*» практически вышло из употребления в странах континентальной Европы.

Также указывается, что в странах англо-американской правовой семьи *международная вежливость* применяется исключительно в тех случаях, когда судебным разбирательством затрагиваются интересы внешней политики. Так, в решении по делу *Regazzoni v. K.C. Sethia Ltd.* (1958 г.) Палата Лордов признала недействительным договор поставки, подчиненный английскому праву, основная цель которого заключалась в преодолении эмбарго на поставку джута в ЮАР, введенного Правительством Индии. В данном решении также отмечается *obiter dictum*, что в международном праве отсутствует обычай, предписывающий государству обеспечить признание и исполнение иностранных судебных решений.

В пункте 2.2.2. «Содержание понятия «взаимность» в доктрине и правоприменительной практике» исследуется правовая природа требования об обеспечении *взаимности*. Исторически понятие «взаимность» связывалось исключительно с наличием международного договора (Решение Правительствующего Сената по делу Адама от 27 января и 17 марта 1882 г.) («конвенционная взаимность»). Однако уже с конца XIX в. требование об обеспечении взаимности считается соблюденным при условии, если законодательством или правоприменительной практикой государства вынесения решения допускается признание и исполнение решений судов первого государства («законная взаимность» и «фактическая взаимность» соответственно).

Далее исследуется содержание понятия «взаимность» в действующем российском законодательстве. Автором аргументируется невозможность признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ на основании *взаимности* в отсутствие международного договора или федерального закона. Отдельно обращается внимание на некорректное изложение Постановления ЕСПЧ по делу «Петр Королев против Российской Федерации» в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса 2014 г.

В разделе также исследуется вопрос о целесообразности введения правила об обеспечении *взаимности* в российское процессуальное законодательство. Автор на основании исторического анализа утверждает, что взаимность оказывает крайне слабое воздействие на политику иностранного государства, поскольку достоверно подтвержден единственный случай, когда законодательство иностранного государства изменилось под влиянием *взаимности*. В 1907 г. штат Калифорния (США) изменил законодательство таким образом, чтобы обеспечить признание национальных судебных решений в Германии на основании *взаимности* согласно ст. 328 Германского Гражданского процессуального уложения 1877 г.

Автор указывает, что введение правил об обеспечении взаимности в ГПК РФ и АПК РФ повлечет за собой существенное увеличение сроков рассмотрения дела при направлении запроса о содержании иностранного права в Министерство Юстиции РФ, а также рост процессуальных издержек сторон в случае подготовки заключений специалистами в области иностранного права.

На основании вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что интересам Российского государства в наибольшей степени соответствует именно переход к «открытому режиму» признания и исполнения иностранных судебных решений (т.е. отказу от признания и исполнения исключительно на основании международного договора или взаимности) при условии соблюдения правил ст. 412 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ.

В параграфе 2.3. «*Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» 1950 г. как правовое основание признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации*» исследуется вопрос о допустимости признания и исполнения иностранных судебных решений в РФ на основании рассматриваемого международного документа. Отмечается, что Постановление ЕСПЧ по делу «Хорнсби против Греции» 1997 г. не имеет отношения к предмету исследования, поскольку оно касается исполнения решения национального суда в пределах государства вынесения.

Вместе с тем автором установлено, что согласно Постановлению ЕСПЧ по делу «Макдоналд против Франции» 2008 г. отказ (невозможность) в признании и исполнении иностранного судебного решения представляет собой вмешательство в право лица на справедливое судебное разбирательство (ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции 1950 г.). Данное Постановление касалось применения ст. 15 Французского гражданского кодекса 1804 г., которой устанавливалась исключительная подсудность в отношении любых дел с участием французских физических и юридических лиц. По этой причине иностранное судебное решение, вынесенное против французского лица, не могло быть признано в отсутствие международного договора.

Обязательность правовой позиции ЕСПЧ по делу «Макдоналд против Франции» следует из п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2013 № 21, в силу которого содержание прав и свобод, установленных законодательством РФ, должно определяться с учетом *содержания аналогичных прав и свобод*, раскрываемого ЕСПЧ при применении Европейской конвенции 1950 г. Автор полагает возможным проведение аналогии между ст. 15 ФГК 1804 г. (Постановление по делу «Макдоналд против Франции» 2008 г.) и ст. 409 ГПК РФ и ст. 241 АПК РФ в связи с тем, что рассматриваемые положения были призваны обеспечить суверенитет государства в сфере осуществления правосудия.

В разделе «*Заключение*» автор выявляет основные тенденции, определяющие взаимодействие государств в сфере взаимного признания и исполнения иностранных судебных решений. Отдельно применительно к теме диссертации рассматривается вопрос о целесообразности присоединения РФ к Гаагской конвенции 2005 г. о соглашениях в отношении выбора суда, а также исследуется Проект конвенции о взаимном признании судебных решений, подготовленный Гаагской конференцией по международному частному праву (Working Document ETS № 170).

Публикации автора

По теме диссертации были опубликованы следующие научные работы, в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауке РФ (Общий объем публикаций - 3.4. п.л.):

1. *Костин А.А.* К вопросу о признании иностранных судебных решений по экономическим спорам, не требующих принудительного исполнения (научно-практический комментарий к ст. 245.1 АПК РФ) // Журнал российского права. 2017. N 5. С. 119-128. (Объем публикации – 0,78 п.л.);
2. *Костин А.А.* Действие судебных определений за пределами государства вынесения // Российский юридический журнал. 2017. N 2. С. 120-128 (0,93 п.л.).
3. *Костин А.А.* Производные последствия иностранного судебного решения //Хозяйство и право. 2017. № 1. С. 73-84. (0,95 п.л.);
4. *Костин А.А.* Некоторые аспекты признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов в арбитражном процессе РФ // Российский юридический журнал. 2014. N 3. С. 151-159. (0,82 п.л.).